
ԳՐԱԿԱՆԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ

АНГЛИЙСКИЙ ЦИКЛ ЭССЕ ИОСИФА БРОДСКОГО О ПОЭТАХ И ПОЭЗИИ

АШХЕН АТАНЕСЯН, ЮЛИЯ ХОДЖОЯН

Эссе И.Бродского, посвященные исследованию различных явлений мировой литературы, ярко вскрывают культурфилософские концепции автора, его эстетические и творческие принципы. Две литературные традиции – “рациональная английская” и “рефлексивная русская” – представляют собой то цельное, единое культурное пространство, которое позволяет поэту-эссеисту свободно творить и созидать. Английский цикл эссе И.Бродского о поэтах и поэзии посвящен анализу творчества, в первую очередь, поэтов метафизического и экзистенциального сознания – “поэтов, следующих воле языка”.

К специфике синтетического по своей сути жанра эссе, не создающего жестких рамок для “творящего я” писателя, И.Бродский относил возможность широкого использования им “изобретенной в поэзии” “техники монтажа”. Так, прозаические фрагменты в творческом восприятии И.Бродского являются теми же “поэтическими строфами, имеющими форму кадра”.¹ Английский же язык, по убеждению Бродского, наиболее подходит для отражения подобной стилистической организации текста. Отметим, что из шестидесяти включенных в собрание сочинений И.Бродского в 2-х томах эссе, статей и заметок (2011) на русском языке написаны семнадцать; среди них “Муза плача”, “Об одном стихотворении”, “С миром державным я был лишь ребячески связан...” и т.д.

На фоне исследуемых разнообразнейших литературных проблем в эссе, посвященных Роберту Фросту, Константину Кавафису, Эудженио Монтале, Уистену Одну, Дереку Уолкотту и др., неизменно звучат мотивы “время”, “язык”; здесь автор развивает свои программные суждения о природе художественного языка, о поэзии как высшей степени развития литературы, о сущности искусства. Эссе насыщены культурологическими комментариями; автор

¹ **Мэрин Р.** Поэт боготворит только язык // **Бродский И.** Книга интервью (Сост. В.Полухина), М., 2008, с. 274.

с большим трепетом и благодарностью вспоминает о людях, “давших ему голос”, научивших ценить и понимать поэзию; серьезные философские размышления часто перемежаются с ироническими замечаниями, наблюдениями. Эссе И.Бродского “Поклониться тени”, “В тени Данте”, “Песнь маятника” органически сочетают в себе элементы научной статьи, литературного очерка, философского трактата, психологического этюда. Некоторые непосредственно примыкают к жанру литературного портрета (“В тени Данте” и др.) В этих работах автор последовательно приводит доводы, аргументирует свои позиции, размышляет о творческом процессе и переживаниях исследуемых авторов, раскрывает разнообразный мир их душевных движений, страстей.

Анализируя поэтические стратегии античных авторов, а также К.Кавафиса, У.Одена, Э.Монтале, Д.Уолкотта, И.Бродский одновременно раскрывает свои собственные эстетические и мировоззренческие подходы. В цикле эссе Бродского о поэтах и поэзии видное место занимает “Письмо Горацию”. Эссе ярко демонстрирует, что художественный мир античности для И.Бродского – это модель вполне реального мира, куда, преодолевая пространственные и временны́е границы, без особых усилий проникает сознание автора. Стремясь найти ответы на “конечные” вопросы, эссеист вступает в живой диалог с любимым античным автором – Горацием; в статье преобладают эмоционально окрашенные размышления о “вечном и сиюминутном бытии”. В мировоззренческой системе И.Бродского “время” – не самостоятельная, автономная категория: оно “соотносимо с вечностью”: “земной вечностью”. Актуализация так называемой “генетической памяти искусства” – “прапамяти”², помогает И.Бродскому как в реконструкции мироощущения и мировоззрения античных авторов (Горация, Вергилия, Овидия), так и в поиске точек соприкосновения между участниками представленного увлекательного, виртуального диалога.

В эссе “Письмо Горацию” нашли также отражение позиции и взгляды И.Бродского, связанные с восприятием целого ряда мифологических героев, исторических событий, фактов. К примеру, анализируя сюжет о Дидоне и Энее в интерпретации Вергилия и Овидия, И.Бродский скрупулезно рассматривает версии двух писателей, следит за логикой поступков выведенных ими героев. По признанию И.Бродского, “назоновская версия звучит для него

² См. интервью И.Бродского от 1983 г. П.Вайлю и А.Генису // **Бродский И.** Книга интервью (Сост. В. Полухина), М., 2008, с. 246.

убедительнее”³. За этим утверждением – глубокие философские, литературные, человеческие пристрастия, послылы. И.Бродскому скорее всего близко само стремление Овидия приблизить своих персонажей к живым, реальным людям, лишить их “героического ореола”; придать древним мифам новое философское звучание, подчеркнув смелые дерзания человека – отстоять свое счастье в борьбе с богами. И.Бродский чутко фиксирует, сколь важны для автора достоверные психологические штрихи в описании истории любви мифологических героев.

Очевидно: Бродского менее привлекает “обобщенность вергилиевского Энея, выработанная традицией и стоической философией идеала”.⁴ “Энеида” Вергилия, в первую очередь, обеспечивала нужды политической системы, созданной Августом после смерти Цезаря (произведение писалось между 25-19 гг. до н.э.). Именно Вергилию было доверено написание самого важного “идеологического произведения”, выявляющего мифо-историческую базу древнеримского самосознания.

Примечательно: в интервью Анн-Мари Брумм (1974г.) И.Бродский отмечал, что стимулом к написанию его собственного стихотворения “Дидона и Эней” явился цикл стихов А.Ахматовой о мифологических героях, написанный сразу же после расставания поэтессы с любимым. Опера же Г.Персела “Дидона и Эней”, по признанию автора, лишь укрепила его во мнении обратиться к этим известным персонажам античности и к самому драматичному событию Древнего мира – разрушению Карфагена. Ария Дидоны, по словам Бродского, поразила его прежде всего своим “проникновенным, волнующим звучанием” и “бесконечной силой отчаяния”. В истории взаимоотношений Энея и Дидоны Бродский расставляет свои акценты. В интервью А.М.Брумм автор подчеркивал, что его “Дидона и Эней” – не любовные стихи; они в первую очередь о разрушении Карфагена, которое случилось прежде реального разрушения”. Во взаимоотношениях главных героев на первый план Бродским был выдвинут мотив “предательства в любви”. “Последствия предательства обычно не видны, – говорит Бродский, – а я попытался сделать их более явны-

³ **Бродский И.** Письмо Горацию // Сборник эссе “Письмо Горацию”. М., 1998, с. 277. В дальнейшем при ссылках на данное издание страницы указываются в скобках.

⁴ **Чистякова Н.** Римская литература эпохи Империи // История античной литературы. Л., 1963, с. 260.

ми...”⁵. Все эти признания, несомненно, помогают понять и уточнить взгляды Бродского-эссеиста.

Интересно, что в некоторых работах, посвященных анализу стихотворения Бродского, проблемная ситуация, лежащая в основе сюжета, сводится к “архетипу разницы в отношениях к любви мужчины и женщины, тем более мужчины – общественной личности”... Герои оказываются заложниками первородных инстинктов – “великий человек” (Эней), бросивший Дидону, закономерно воспринимается в своем величии, основательница же Карфагена (Дидона) – “обыкновенной покинутой женщиной”, “безымянной героиней”.⁶ Однако, учитывая угол зрения самого автора, можно в полной мере прочувствовать идею о всеразрушающей силе предательства, выдвинутую на первый план стихотворения; предательства, уничтожающего великие миры, царства, династии, достижения. В финале стихотворения Бродского мы видим покинутую Дидону:

Она стояла
...перед костром, который разожгли
под городской стеной ее солдаты,
и видела, как в мареве костра,
дрожавшем между пламенем и дымом,
беззвучно рассыпался Карфаген
задолго до пророчества Катона.⁷

Образ стоической, несломленной женщины вырисовывается и в стихах Ахматовой (См. “Не пугайся, – я еще похожей...”) Несмотря на то, что мифологический материал, по сути, является “транслятором” универсальных идей и понятий, И.Бродский открывает в этом “классическом” наследии новые грани, отыскивает “иные”, “скрытые” смыслы.

В эссе “Песнь маятника”, посвященном творчеству К.Кавафиса, И.Бродский стремится наиболее полно раскрыть мировосприятие греческого поэта, определить, в чем неповторимость его почерка. Мысль И.Бродского направ-

⁵ Брумм А. Муза в изгнании // Бродский И. Книга интервью (Сост. В.Полухина), М., 2008, с. 20.

⁶ См. Крепс М. О поэзии И.Бродского, <http://www.lib.ru/BRODSKI/KREPS.txt>.

⁷ Бродский И. Новые стансы к Августе, <http://www.lib.ru/BRODSKI/Michigan.txt>.

лена к осознанию сложных взаимоотношений творческой личности с социальной средой и эпохой; к постижению внутреннего мира автора с душевными потрясениями, дилеммами... И Бродский обращается к “стихотворениям – “античным маскам”, в которых описание “прошлых дней” ярко высвечивало волнующую Кавафиса современность. Автор эссе приходит к выводу: своеобразие поэтического мировидения К.Кавафиса кроется в его особом восприятии памяти – как онтологической опоры человека и человечества. “Единственное имеющееся в распоряжении человечества средство, чтобы справиться с временем, – пишет И.Бродский, – есть его память, именно исключительная, чувственно-историческая память и создает своеобразие Кавафиса” (с.27). И. Бродским особо подчеркивается “ретроспективность” стихов К.Кавафиса, что, в целом, позволяло поэту выявлять причинно-следственные связи и закономерности развития разных исторических событий.

В центре внимания И.Бродского целый ряд исторических стихов К.Кавафиса: “Прежде, чем время их изменило”, “Спрятанное”, “Дарий”, “В ожидании варваров” и т.д. В поэтике стихов, охватывающих греко-римский период (4 в.до н.э. – 3 в.н.э.), определяющей, по мнению Бродского, является “смесь архива и эпитафии”. “Этот тип дикции, – отмечает И.Бродский, – создает странный эффект подлинности, избавляя авторские прозрения и агонию от многословности, накладывая на них отпечаток сдержанности” (с.25). Всем ходом своего анализа Бродский дает возможность читателю ощутить, прочувствовать, как по-новому в исторических стихах Кавафиса высвечиваются разные категории исторического процесса – “закономерность”, “случайность”. Эссеист к тому же внимательно наблюдает, как греческому поэту удается в своих стихах организовать и систематизировать сложный и многообразный исторический материал... Характеризуя творческую манеру, стиль письма “позднего Кавафиса”, И.Бродский подчеркивает сознательный отказ автора “от красочных метафор, богатой образности, метрического блеска”, называя это “экономией зрелости”; родственной своему “тембру голоса” он считает “доверительную, сдержанную, спокойную, несколько суховатую интонацию” поэта. Эссе характеризует целая сеть ассоциативных связей и, конечно, парадокс, как своеобразный способ игры с читателем. Несомненно, И.Бродскому удастся “захватить читателя” собственным прочтением, пониманием творчества К.Кавафиса.

В английской и американской поэзии И.Бродский выделяет метафизическую традицию, устремленную к исследованию первоначальной природы реальности, к трансцендентному, надэмпирическому уровню постижения сущности бытия и духовного мира. В своих многочисленных интервью И.Бродский не раз называл поэтов, чье творчество интересовало его еще с 1960-х годов: Т.С.Элиот, Дж.Линдсей, Э.Л.Мастерс. Английская метафизическая поэзия XVII века, так же как и современная американская, привлекают И.Бродского прежде всего превосходством разума над эмоциями, беспристрастной констатацией трагизма и алогизма бытия, неизбежным ироническим подтекстом в отношении к реальности, бо́льшим доверием к языку – его природной (стихийной) сущности. Тяга к “чужой традиции” и новые возможности, открываемые ею, органически сконцентрировались для И.Бродского в поэзии У.Х.Одена.

И.Бродскому близка “плоскость рассматривания” автором многих литературных проблем, “ироническое отстранение”, использование разнообразных разговорных ритмов, “вектор его рассуждений” в прозаических работах (эссе, статьях и т.д.). В интервью С.Биркертсу И.Бродский подчеркивал: “Два поэта (Оден и Ахматова) дали мне ноту, ключ к моему голосу, тональность и отношение к действительности. Я думаю, что их стихи в каком-то смысле – некоторые стихи Ахматовой и много стихов Одена – написаны мною...”⁸ Исследователь К.Соколов относит прием “отождествления автором себя с предшественником к числу механизмов культурной самоидентификации И.Бродского”.⁹ В эссе вырисовывается и психологический портрет У.Одена: эссеист стремится здесь наиболее полно выявить глубину внутреннего мира и переживаний автора, отразить во всей полноте своеобразие его личности.

Почти все размышления И.Бродского в эссе пересекаются с магистральными темами его творчества – темами Времени и Языка. Утверждение Одена: “Время... боготворит язык”(с.62), прозвучавшее в одном из оденовских стихотворений, становится для И.Бродского отправной точкой, стимулом к его собственным метафизическим по своей сути размышлениям, отражающим его сверхчувственные, интуитивные прозрения. Одновременно перед читателем раскрывается процесс “вживления”, “внедрения” этих основополагающих, по

⁸ Биркертс С. Искусство поэзии // Бродский И. Книга интервью (Сост. В.Полухина), М., 2008, с. 80.

⁹ Соколов К. И.Бродский и У.Х. Оден: к проблеме усвоения английской поэтической традиции. Автореферат диссертации на соискание уч. степени к.ф.н., Владимир, 2003.

Одену, бытийных и философских категорий в сознание писателя-эссеиста. В эссе читаем: “Обожествление – это отношение меньшего к большему. Если время боготворит язык, откуда тогда происходит язык? Ибо дар всегда меньше дарителя. И не является ли песня или стихотворение, и даже сама речь с ее цезурами, паузами, спондеями и т.д. игрой, в которую язык играет, чтобы реорганизовать время. И не являются ли те, кем “жив язык, теми, кем живо и время...” Поэт, по убеждению Бродского, “прослеживает не только то, что происходит с его душой”, но и то, “что язык делает со временем” (с.63)... Все переживания, прозрения, эмоциональные, исповедальные признания автора в эссе выверены, проверены личным духовным опытом писателя.

В цитируемых И.Бродским в эссе стихах с наибольшей остротой проглядывается отчаянный поиск лирическим героем Одена ответов на вечные вопросы, звучат мотивы трагической отчужденности между людьми, драматического одиночества поэтической души, вырисовывается моральная, духовная опустошенность современной цивилизации. Приведем строки У.Одена из стихотворения “Море и зеркало”, которые, по признанию И.Бродского, многое для него значили:

Но если ты не сможешь удержать свое царство
И придешь, как до тебя отец, туда,
Где мысль обвиняет и чувство высмеивает,
Верь своей боли...

(подстрочный перевод, с.72)

В эссе “Поклониться тени”, вобравшем в себя разнообразные литературные формы (статья, рассказ, исповедь, воспоминание, речь), ярко вырисовываются ценностные ориентиры И.Бродского в искусстве, культуре, жизни.

В эссе “В тени Данте” И.Бродский пишет в какой-то мере как биограф Э.Монтале: очевидно, автор изучил его жизнь до мельчайших подробностей... Вся биография Монтале рисуется яркими мазками: это броские, смелые зарисовки “с натуры”. И.Бродский показывает, сколь сложен путь автора – наследника достижений итальянской культуры, сколь ответственен его труд перед великими предками и потомками.

Несомненно, поднятые И.Бродским вопросы о жизни и творчестве известных поэтов, больших мировых величин не раз обсуждались на страницах

разных изданий, книг, публикаций, воспоминаний и т.д. Однако И.Бродский, по меткому замечанию Е.Рейна, “все пытается решить по-своему, всегда могучим образом работает его мозг”. “Проза Бродского, – заключает Е.Рейн, – движется за счет того, что он без всяких ссылок на предшественников, интеллектуально решает свою задачу”.¹⁰ Действительно, в эссе, посвященных античным писателям, Кавафису, Одну, Монтале и др., Бродский по-своему, оригинально и смело размышляет о новаторских подходах исследуемых авторов, об их творческих достижениях.

Известно отношение И.Бродского к языку как мирозданию. Я.Гордин, комментируя в интервью В.Полухиной теоретические взгляды И.Бродского о языке, подчеркивал: “С одной стороны, действительно задача поэта – это изживание экзистенциального абсурда, с другой – это все-таки стремление к абсолюту при трезвом понимании недостижимости его...” “В поэзии Иосифа Бродского в качестве абсолюта выбран сам язык и превращен в некую модель мира, очищенную, гармонизированную, живущую по более совершенным законам, чем мир как таковой”,¹¹ – заключал Я.Гордин. И.Бродский делает категорию языка доминирующей категорией не только своей поэзии, но и своей поэтики. Высшая функция языка, граничащая с выявлением (определением) правды жизни, установлением справедливости, в глобальном смысле, действительно, с гармонизацией мира, ярко проявляется и на страницах эссе автора, посвященного Дереку Уолкотту.

“Шум прибора” – эссе-зарисовка, своего рода эссе-набросок, в котором И.Бродский задается целью обратиться к истокам творчества Д.Уолкотта, показать атмосферу, сформировавшую его. Автопортрет Д.Уолкотта И.Бродский находит в следующих строках:

Я просто красный нигер, который любит море,
У меня основательное колониальное образование.
Кровь голландца, нигера и англичанина во мне
И либо я – ничто, либо я – нация.

(подстрочный перевод, с.86)

¹⁰ **Рейн Е.** Прозаизированный тип дарования // Бродский глазами современников (Сост. В.Полухиной), СПб., 1997, с. 21.

¹¹ **Гордин Я.** Трагедийность мировосприятия. // Бродский глазами современников (Сост. В.Полухина), СПб., 1997, сс. 63-64.

Действительно, многое в этих строках говорит о психологическом настрое исследуемого И.Бродским автора: Д.Уолкотт ставит вопрос перед читающей публикой ребром: или поэт – вся вселенная или же поэт, будучи “порождением вселенной”, исходя из частных интересов, стереотипов, заскожных подходов, царящих в сознании людей, – может превратиться в “ничто”. В этом контексте известные факты биографии Д.Уолкотта приобретают особое звучание. Эссеист выражает свое отношение к заявлениям в критике о том, что Д.Уолкотт – “вест-индийский поэт” или “чернокожий поэт Карибского бассейна”. И.Бродский усматривает в этом дискриминационный подтекст. Он пишет: “Психологическую, а также духовную трусость, скрывающую в желании представить этого человека региональным поэтом, можно объяснить банальным нежеланием критиков признать, что великий англоязычный поэт – черный” (с.87). И.Бродский проникает в самые глубины творческого процесса; возникают очень интересные, своеобразные версии, связанные с психологической стороной творчества поэта: автор-эссеист пристально изучает графическую сторону стихов Уолкотта; внимание исследователя изначально привлекает в английском тексте “некая уравновешенность (равенство) в поэтической формуле между черным и белым”. Автор заключает: “Это уравнение между черным и белым управляется с расовой поляризацией успешнее, чем все его критики с их декларируемой непредвзятостью” (с. 90). Подобное графическое выражение мыслей Д.Уолкотта, его психологии, по глубокому убеждению Бродского, продиктовано “мудростью языка” – “мудростью самого письма – черного и белого” (XCII).

И.Бродский обобщенно представляет портрет лирического героя поэзии Д.Уолкотта – цельной личности, человека гордого, готового отстаивать свои жизненные позиции. В поэтических строках Д.Уолкотта И.Бродскому видится стремление к гармонизации мира.

Таким образом, значение эссеистской прозы И.Бродского о поэтах и поэзии разнопланово:

- статьи явились важным вкладом в изучение творческого наследия видных англо-американских и западноевропейских поэтов;
- в эссе нашли отражение эстетические и творческие принципы самого автора, его представления о классической и современной зарубежной поэзии;

- работы ярко высветили наличие творческого диалога И.Бродского с поэзией значимых для него авторов;
- произведения продемонстрировали перспективы использования жанра эссе, вобравшего в себя элементы разных литературных форм – аналитического очерка, рассказа, дневника, исповеди, письма.

РЕЗЮМЕ

Английский цикл эссе И.Бродского о поэтах и поэзии ярко вскрывает культурфилософские концепции автора, его эстетические и творческие принципы. В работах, посвященных анализу творчества античных писателей, а также К.Кавафиса, У.Одена, Д. Уолкотта и др., отразились перспективы использования жанра эссе, вобравшего в себя элементы разных литературных форм.

Ключевые слова – эссе о поэтах и поэзии, поэтические стратегии, эстетические и мировоззренческие подходы, метафизическая традиция.

ԻՈՍԻՖ ԲՐՈՂԻՍԿՈՒ ԷՍՍԵՆԵՐԻ ԱՆԳԼԻԱԿԱՆ ՑԻԿԼԸ ՊՈԵՏՆԵՐԻ ԵՎ ՊՈԵԶԻԱՅԻ ՄԱՍԻՆ

ԱՇԽԵՆ ԱԹԱՆԵՍՅԱՆ, ՅՈՒԼՅԱ ԽՈԶՈՅԱՆ

Ի. Բրոդսկու էսսեների անգլիական ցիկլը պոետների և պոեզիայի մասին վառ կերպով բացահայտում է հեղինակի մշակութափոխակապական տեսակետները, նրա գեղագիտական և ստեղծագործական սկզբունքները: Անտիկ գրողների, ինչպես նաև Կ. Կավաֆիսի, Ու. Օդենի, Դ. Ուոլկոտտի և այլոց ստեղծագործությունների վերլուծությանը նվիրված աշխատանքներում արտացոլվեցին էսսեի ժանրի օգտագործման հեռանկարները, որը ներառում է զանազան գրական ձևերի տարրերը:

Բանալի բաներ – ակնարկ պոետների և պոեզիայի մասին, բանաստեղծական մարտավարություններ, գեղագիտական և աշխարհայացքային մոտեցումներ, մետաֆիզիկական ավանդույթ:

JOSEPH BRODSKY'S CYCLE OF ENGLISH ESSAYS ON POETS AND POETRY

ASHKHEN ATANESYAN, YULIA KHOJOYAN

Joseph Brodsky's cycle of English essays focused on poets and poetry reflect his cultural and philosophical concepts as well as his esthetic and creative principles. New perspectives for the use of essays are presented through Brodsky's essays inclusive of different literary elements where Brodsky analyzes the works of antique writers, as well as C. Cavafy, U. Oden, D. Walcott and others.

Key words – article on poets and poetry, poetic strategies, esthetic and ideological approaches, metaphysical tradition.